

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

Написание географических наименований в англосаксонской Англии отличалось разночтениями, к тому же существовали разные варианты названий одних и тех же мест. Например, Лондон в различных источниках называется Лундонией, Лунденбергом, Лунденном, Лунденом, Лунденвиком, Лунденкестером и Лунд-ресом.

Без сомнения, у читателей есть свои любимые варианты в том списке, который я привожу ниже. Но я принимаю написание, предложенное «Оксфордским» или «Кембриджским словарем английских географических названий» для эпохи ближайшей или включающей время правления Альфреда — 871–899 годы н. э. Но даже такое решение не гарантирует от ошибок. Название острова Хайлинга в 956 году писалось и «Хейлинсиге», и «Хаэглингейгге». Сам я тоже не был слишком последователен, используя современную форму «Нортумбрия» вместо «Нортхюмбралонд», тем самым избегая намека на то, что границы древнего королевства могли совпадать с границами современного графства.

Итак, мой список, как и выбор написания мест, весьма нелогичен:

- Бембанбург* — Бамбург, Нортумберленд
- Беревик* — Бервик-он-Туид, Нортумберленд
- Брунанбург* — Бромборо, Чешир
- Виш* — река Уивер, Чешир
- Вилтунскир* — Уилтшир
- Винтанкестер* — Винчестер, Гемпшир
- Вирхелум* — полуостров Уиррел, Чешир
- Глевекестр* — Глостер, Глостершир
- Дифлин* — Дублин, Эйре

- Дунхолм* — Дарем, графство Дарем
Иртинам — река Иртинг
Йорвик — Йорк, Йоркшир (датское/норвежское название)
Кайр-Лигвалид — Карлайл, Камбрия
Контварабург — Кентербери, Кент
Линдисфарена — Линдисфарн (Священный остров), Нортум-
берленд
Линдкольн — Линкольн, Линкольншир
Лунден — Лондон
Мамесестер — Манчестер
Медлок — река Медлок, Ланкашир
Монез — Англси, Уэльс
Мэрс — река Мерси
острова Фарнеа — Фарнские острова, Нортумберленд
Риббель — река Риббл, Ланкашир
Рибелькастр — Рибчестер, Ланкашир
Сестер — Честер, Чешир
Снэланд — Исландия
Стура (*вымышленное название*) — Бирдосвальд, римский
форт, Камбрия
Суморсэт — Сомерсет
Тамвеортин — Тэмворт, Стаффордшир
Темез — река Темза
Тинан — река Тайн
Уз — река Уз, Йоркшир
Фагранфорда — Фейрфорд, Глостершир
Хвит — Уайтчерч, Шропшир
Хеабург (*вымышленное название*) — Уайтли-Касл, Элстон,
Камбрия
Хеагостелдес — Хексам, Нортумберленд
Хеден — река Эден, Камбрия
Хунтандун — Хантингдон, Кембриджшир
Зофервик — Йорк, Йоркшир (саксонское название)

Часть первая

ДИКИЕ ЗЕМЛИ

Глава первая

На похороны Этельфлэд я не поехал.

Ее погребли в Глевекестре в одном склепе с мужем, которого она ненавидела.

Эдуард Уэссекский, ее брат, был главным распорядителем на похоронах и, когда обряд исполнили и тело Этельфлэд замуровали, остался в Глевекестре. Нелепое знамя со священным гусем, что развевалось над дворцом при Этельфлэд, спустили, его место занял дракон Уэссекса. Послание не могло быть более ясным: Мерсия перестала существовать. На всех британских землях к югу от Нортумбрии и к востоку от Уэльса осталось только одно королевство и только один король. Эдуард прислал мне вызов, требуя приехать в Глевекестр и принести ему вассальную клятву за мои земли в Мерсии. На пергаменте значилось его имя в сопровождении титула *Anglorum Saxonum Rex*. Король англов и саксов. Я не откликнулся.

Год спустя пришел еще один документ, на этот раз подписанный и скрепленный печатью в Винтанкестере. Милостью Господа, как говорилось там, земли, пожалованные мне Этельфлэд Мерсийской, ныне переданы епископу Херефордскому, который, как заверял пергамент далее, использует владения сии для умножения славы Божией.

— Иначе говоря, у епископа Вульфхерда прибавится серебра, чтобы тратить на своих шлюх, — сказал я Эдит.

— Может, тебе все-таки стоило поехать в Глевекестр? — отозвалась она.

— И принести клятву верности Эдуарду?! — Я буквально выплюнул это имя. — Никогда! Мне не нужен Уэссекс, а Уэссексу не нужен я.

— Так что ты будешь делать с поместьями?

— Ничего.

Да и что я мог сделать? Пойти войной на Уэссекс? Меня бесило, что земли достались моему старинному врагу, епископу Вульфхерду, но мне самому мерсийские поместья были без надобности. У меня имелся Беббанбург. Я был нортумбрийским лордом и владел всем, чем хотел.

— С какой стати я должен что-то делать? — буркнул я. — Я старый человек, и мне вредно волноваться.

— Ты не старый, — преданно заявила Эдит.

— Старый, — упирался я. Мой возраст перевалил за шестьдесят, так что я был даже не старым, а древним.

— Ты не выглядишь старым.

— Пусть Вульфхерд перепаживает своих шлюх, а мне даст умереть спокойно. Начхать, если я в жизни не увижу больше Уэссекса или Мерсии.

Тем не менее год спустя я был в Мерсии, верхом на Тинтреге — самом злом моем скакуне, — в шлеме, кольчуге и с наточенным Вздохом Змея на левом бедре. Слуга Рорик держал мой тяжелый, окованный железом щит, а за нашими спинами стояли девяносто воинов, все вооруженные и на боевых конях.

— Иисус сладчайший, — произнес рядом со мной Финан. Он разглядывал врагов в долине под нами, пытаясь

прикинуть их количество. — Сотни четыре ублюдков? По меньшей мере четыре. А то и пять.

Я промолчал.

Зимний день угасал, стоял жуткий холод. Пар из лошадиных ноздрей облачками поднимался среди голых деревьев, венчавших невысокий склон, с которого мы наблюдали за противником. Солнце скрылось за тучами, так что предательский отблеск кольчуги или оружия выдать нас не мог. К западу, справа от меня, несла спокойные серые воды река Ди, расширяясь по мере приближения к морю. В низине перед нами располагался враг, а за ним лежал Сестер.

— Точно, пять сотен, — определился Финан.

— Никогда не думал, что снова увижу это место, — пробормотал я. — И никогда не хотел вновь оказаться здесь.

— Они сломали мост. — Финан вглядывался в даль.

— А ты бы поступил иначе, будь на их месте?

Коли речь зашла о месте, то это Сестер, и наши враги осаждали город. Большая их часть расположилась к востоку от стен, но дым костров говорил о том, что их и к северу немало. Река Ди протекала с южной стороны укреплений, затем поворачивала к северу, переходя в широкое устье. Разломав центральный пролет древнего римского моста, неприятель обезопасил себя с юга. Если немногочисленный гарнизон решит выходить из ловушки, прорываться придется на восток или на север, где врагов больше всего. А гарнизон действительно мал. По моим данным, хотя и неточным, город удерживало менее сотни воинов.

Мысли Финана, видимо, текли в том же русле.

— А пяти сотням ни за что не взять город? — с иронией заметил он.

— Или, скорее, шести? — предположил я.

Сложно было определить точное число врагов, потому что в лагере осаждающих насчитывалось немало детей и женщин, но мне казалось, что оценка Финана занижена. Тинтрег опустил голову и фыркнул. Я потрепал его по холке, потом коснулся на удачу рукоятки Вздоха Змея:

— Мне бы не хотелось штурмовать эти стены. — Крепость эту возвели римляне, а они строили на совесть. Гарнизон, пусть и немногочисленный, судя по всему, находился в умелых руках. Осажденные отразили первые приступы, и противник решил попросту взять их измором.

— Так что предпримем? — осведомился Финан.

— Мы проделали долгий путь.

— И что?

— Жалко будет не подраться. — Я взглянул на Сестер. — Если дошедшие до нас слухи верны, несчастные горожане уже доедают крыс. А этот сброд? — Я кивнул в сторону осадного лагеря. — Они замерзли, изнывают от скуки и слишком долго проторчали здесь. Им хорошенько пустили кровь во время атак на стены, так что они намерены просто ждать.

Я заметил мощные сооружения, возведенные осаждающими напротив северных и восточных ворот Сестера. Баррикады эти наверняка охраняют самые боеспособные отряды, их задача отразить вылазку гарнизона или попытку прорыва.

— Они замерзли, изнывают от скуки, — повторил я. — И люди эти совершенно бесполезные.

— Бесполезные? — Финан улыбнулся.

— Ребята ведь по большей части из фирда, то есть это ополчение из крестьян, пастухов и прочих простолюди-

нов. Они могут сражаться храбро, но опытным дружинникам, вроде тех девяти десятков, что стоят у меня за спиной, далеко не чета. Так что бесполезные и глупые.

— Глупые? — спросил Берг, скакун которого замер рядом с моим.

— Дозорных не выставили! Не стоило им подпускать нас так близко. До сих пор понятия не имеют, что мы здесь. А за глупость приходится расплачиваться смертью.

— Мне нравится, что они глупые, — проговорил норманн, молодой и свирепый. Берг и не боялся ничего, кроме гнева своей юной супруги-саксонки.

— До захода солнца часа три? — прикинул Финан.

— Не будем тратить их попусту.

Я развернул Тинтрега и направил его через лесок к дороге, ведущей из Сестера к броду через Мэрс. Эта дорога навевала воспоминания о нашей скачке навстречу Рагналлу и о смерти Хэстена, а теперь она вела меня к очередной схватке.

Спускаясь по длинному пологому склону, мы напоминали что угодно, только не грозную силу. Спешить было некуда. Мы выглядели как люди, завершающие долгое путешествие, что истинная правда. Мечи держали в ножнах, а копья везли связками на вьючных лошадях под присмотром слуг. Враги заметят нас, едва мы появимся из-за поросшего лесом склона, но нас мало, а их много, и походный порядок моего отряда убедит их, что мы идем с миром. Высокие каменные стены города скрывала тень, но мне удалось разглядеть флаги на них. Знамена были с христианскими крестами, и мне вспомнился епископ Леофстан, святой шут и хороший человек, избранный Этельфлэд на Сестерский престол. Она укре-

пила и усилила людьми этот город-форт как оплот против норманнов и данов, пересекающих Ирландское море с целью разжиться рабами в землях саксов.

Этельфлэд, дочь Альфреда, правительница Мерсии. Ныне покойная. Труп ее гниет в холодном каменном склепе. Я представлял, как в смрадном мраке гробницы ее мертвые руки сжимают распятие, и вспоминал, как эти самые руки обнимали меня, пока женщина извивалась подо мной.

— Господи, прости! — вскрикивала она. — Только не останавливайся!

И Этельфлэд снова привела меня в Сестер.

А Вздоху Змея опять предстоит убивать.

Брат Этельфлэд правил Уэссексом. И довольствовался этим, позволяя сестре править Мерсией. Однако стоило ей умереть, как войска западных саксов двинулись на север, через Темез. По словам Эдуарда, чтобы засвидетельствовать почтение на похоронах. Но затем остались, утверждая власть нового правителя в бывших владениях его сестры. Эдуард, *Anglorum Saxonum Rex*.

Те мерсийские лорды, кто преклонил колени, получили награду, но некоторые — немногие — воспротивились западным саксам. Мерсия была гордой страной, а не так давно и крупнейшей на острове. Тогда король Мерсии был самым могущественным из правителей Британии, и монархи Уэссекса, Восточной Англии и валлийские вожди платили ему дань. Потом пришли даны, Мерсия пала, и именно Этельфлэд отвоевывала ее, теснила язычников на север и строила бурги для защиты границ. Теперь она умерла и разлагалась, а войска ее брата стояли гарнизонами в фортах. Король Уэссекса назвался ко-

ролем всех саксов и потребовал платить серебром за эти гарнизоны. У несогласных лордов он отбирал земли и отдавал своим людям или церкви. Церковь не обходили, потому что священники вдалбливали мерсийскому народу, будто это по воле их пригвожденного Бога Эдуард Уэссекский стал королем их страны, а тот, кто выступит против короля, идет против Бога.

И все же страх перед пригвожденным Богом не предотвратил бунта. Началась борьба: сакс против сакса, христианин против христианина, мерсиец против мерсийца и мерсиец против уэссекца. Мятежники дрались под знаменем Этельфлэд, заявляя, будто она хотела, чтобы ей наследовала Эльфинн, ее дочь. Эльфинн, королева Мерсии! Мне нравилась Эльфинн, вот только править государством она была способна не более, чем пригвоздить рогатиной нападающего вепря. Веселая, ветреная, милая и пустая девчонка. Прознав о том, что племянницу собираются посадить на трон, Эдуард поспешил заточить ее в монастыре вместе со своей отвергнутой женой, но мятежники все равно шли в бой под флагом Этельфлэд и с именем Эльфинн на устах.

Верховодил ими Кинлэф Харальдсон, воин из Уэссекса, которого Этельфлэд наметила в мужа для Эльфинн. Конечно, Кинлэф сам хотел стать королем Мерсии. Он был молод, красив, отважен в бою и, на мой взгляд, довольно глуп. Его план заключался в том, чтобы разбить западных саксов, выволить невесту из монастыря, обвенчаться и возложить на свою голову корону.

Но сначала ему следовало взять Сестер. А здесь его постигла неудача.

— Похоже, пойдет снег, — сказал Финан, пока мы ехали на юг, к городу.

— Поздновато для снега, — уверенно заявил я.

— Кости чуют, — пожившись, ответил мой друг. — К ночи начнется.

Я фыркнул:

— Ставлю два шиллинга, что не начнется.

Он расхохотался:

— Да пошлет мне Господь побольше дураков с серебром в кармане! Мои косточки не проведешь.

Финан — ирландец, мой главный помощник и лучший друг. Лицо его, обрамленное сталью шлема, выглядит морщинистым и старым, борода поседела. Моя тоже. Я видел, как он высвобождает Похитителя Душ из ножен, одновременно не сводя глаз с лагерных костров впереди.

— Как действуем? — спросил он.

— Прогоним ублюдков с восточной стороны города.

— Их там немало.

По моим прикидкам, почти две трети вражеских сил стояли лагерем на восточном фланге Сестера. Здесь было много костров, разложенных между низенькими шалашами из веток и дерна. Южнее временного городка виднелась дюжина роскошных шатров, разбитых вблизи руин древней римской арены. Хотя ее давно превратили в каменоломню для местных нужд, стены по-прежнему поднимались выше навесов, над которыми бессильно обвисли в неподвижном воздухе два стяга.

— Если Кинлэф еще тут, то должен быть в каком-нибудь из этих шатров, — предположил я.

— Будем надеяться, что ублюдок пьян.

— А еще он может устроиться в арене.

Арена размещалась прямо за стенами города и представляла собой массивное сооружение. Под рядами каменных скамей располагались похожие на пещеры комнаты. Когда я в последний раз заглядывал в них, они служили домом для бродячих собак.

— Если у него есть хоть какие-то мозги, — продолжил я, — он уехал из осадного лагеря. Оставил заслон, чтобы морить гарнизон голодом, а сам ушел на юг. Именно там решается судьба мятежа, а не здесь.

— А у него есть мозги?

— Похожие на репу, — ответил я, потом расхохотался. На дорогу вышла группа женщин с хворостом; они опустили на колени, пропуская нас, а теперь удивленно посмотрели на меня. Я помахал им. — Мы собираемся сделать кое-кого из них вдовами, — проговорил я, все еще посмеиваясь.

— И это смешно?

— Смешно то, что два старика едут на войну, — сказал я, переводя Тинтрега на рысь.

— Ну, ты, может, и старик, — с нажимом заявил Финан.

— Да мы с тобой сверстники!

— Я еще не дед!

— Уверен? Может, ты не знаешь.

— Ублюдки в счет не идут.

— Идут, — возразил я.

— Тогда ты, наверное, уже прадед.

Я зыркнул на него.

— Ладно, ублюдки не в счет, — передумал я.

Он засмеялся, потом осенил себя крестом, когда мы достигли римского кладбища, тянувшегося по обеим сторонам дороги. Тут водились призраки: они бродили меж-

ду покрытых мхом надгробий, прочесть полинялые надписи на которых могли только христианские священники, разумевшие латынь. Много лет назад один поп, в порыве рвения, принялся выкорчевывать памятники, объявив их языческой мерзостью. В тот же самый день он свалился на месте и помер, с тех пор христиане смирились с могилами, которые оберегают, как мне кажется, римские боги. Когда я рассказал эту историю епископу Леофстану, тот посмеялся и заверил меня, что римляне были добрыми христианами. «Это наш Бог, единственный истинный Бог, поразил того священника», — заявил он. А потом Леофстан сам умер, так же скоропостижно, как тот осквернитель могил. *Wyrd bið ful āgæd* — судьбы не избежать.

Мои люди уже успели растянуться — не по одному в ряд, но близко к этому. Никому не хотелось ехать по краю дороги, где собираются призраки. Длинная неровная линия всадников крайне уязвима, но враги по-прежнему не видели в нас угрозы. Мы обогнали еще группу женщин, каждая из которых тащила на спине большую вязанку хвороста, нарубленного в рощице к северу от кладбища. До ближайших костров было рукой подать. Свет дня почти померк, хотя до темноты оставался еще час, а то и больше. Я видел людей на северном фасаде городской стены, видел их копья и знал, что они смотрят на нас. Наверняка думают, что мы пополнение, идущее к осаждающим.

Я остановил Тинтрега сразу за древним римским кладбищем, давая моим людям подтянуться. Вид могил и мысли про епископа Леофстана навевали воспоминания.

— Помнишь Мус? — спросил я у Финана.

— Господи! Да кто ж ее забудет? — Он ухмыльнулся. — Ты когда-нибудь...

— Ни разу. А ты?

Ирландец покачал головой.

— А вот твой сын задал ей пару раз славную скачку.

Сына я оставил командовать войсками, удерживающими Беббанбург.

— Везучий парень, — проворчал я.

Мус, настоящее имя которой — Сунгифу, была крохотной, как мышка, и являлась женой епископа Леофстана.

— Интересно, где Мус теперь? — спросил я, продолжая смотреть на северную стену крепости и прикидывая, сколько воинов стоит на парапете. — Их больше, чем я ожидал.

— Больше?

— Людей на стене, — пояснил я. На виду было примерно сорок человек, и я знал, что еще по меньшей мере столько же должно быть на восточной стене, напротив которой сосредоточились основные силы врага.

— Может, к ним пополнение пришло? — предположил Финан.

— Или монах ошибся, что меня не удивляет.

Монах принес в Беббанбург весть об осаде Сестера. О восстании в Мерсии мы, понятное дело, слышали и радовались ему. Не секрет, что Эдуард, провозгласивший себя королем англов и саксов, намеревался вторгнуться в Нортумбрию и подтвердить свой громкий титул. Сигтригр, мой зять и король Нортумбрии, готовился к этому нашествию и боялся его. А потом поползли слухи, что Мерсия раскололась, и Эдуард, вместо того что-

бы нападать на нас, вынужден сражаться за обладание собственными новыми землями. Наш образ действий напрашивался сам собой: сидеть сложа руки! Пусть державу Эдуарда раздирают на куски, потому что каждый сакс, погибший в Мерсии, означал меч, который не поднимется против Нортумбрии.

Тем не менее в этот поздний зимний вечер, под темнеющий небом, я оказался здесь и шел сражаться за Мерсию. Сигтригр был, мягко говоря, совсем не рад этому обстоятельству, а его жена, моя дочь, не скрывала своей злости.

— Почему? — спросила она.

— Я поклялся, — ответил я им обоим и тем отсек все возражения.

Клятвы священны. Нарушение клятвы навлекает гнев богов, и Сигтригр против воли отпустил меня снимать осаду с Сестера. Не то чтобы он мог мне запретить: я был самым могущественным из его вассалов, тестем и хозяином Беббанбурга; по сути, именно мне он обязан короной. Однако Сигтригр настоял, чтобы я увел с собой меньше сотни воинов.

— Возьмешь больше, — объяснил он, — и эти треклятые скотты тут же перейдут границу.

Я согласился. Вел всего девяносто дружинников и с этими девятью десятками намеревался сохранить для короля Эдуарда новое королевство.

— Ты полагаешь, Эдуард будет благодарен? — поинтересовалась дочь, пытаясь найти что-то хорошее в моем безрассудном решении. Ей казалось, что в качестве благодарности Эдуард откажется от своих планов завоевать Нортумбрию.

— Он сочтет меня дураком.

- Ты и есть дурак! — выпалила Стиорра.
- Кроме того, я слышал, что он болен.
- Вот и хорошо, — мстительно заметила дочь. — Может, это новая женоушка заездила его?

Как бы ни обернулось дело, благодарен Эдуард не будет. Копыта наших коней громко цокали по римской дороге. Ехали медленно. Миновали старинный каменный столб, обозначающий, как говорили, расстояние в одну милю от Девы, как римляне именовали Сестер. Мы уже оказались меж лачуг и огней лагеря, и народ провожал нас глазами. Тревоги осаждающие не выказывали, часовых не было, никто нас не окликнул.

- Что с ними творится? — буркнул мне на ухо Финан.
- Они думают, что пришло подкрепление. Отряд появился с востока, а не с севера, поэтому все решили, что мы на их стороне.

— Тогда они придурки, — заметил Финан.

И это правда. Кинлэф, если он еще командует здесь, должен был выставить дозорных на всех подходах к лагерю, но длинные холодные недели бездействия сделали осаждающих ленивыми и беспечными. Несостоявшийся зять Этельфлэд хотел одного — захватить Сестер — и забыл, что нужно опасаться удара в спину.

Финан, все еще зоркий как сокол, разглядывал городские стены.

- Тот попик — мешок дерьма, — презрительно бросил он. — На северной стене я насчитал сорок восемь человек!

Монах, принесший нам новость об осаде, выражал уверенность, что гарнизон опасно мал.

- Насколько мал? — допытывался я.
- Господин, не более сотни воинов.

Я с подозрением посмотрел на него:

— А откуда ты знаешь?

— Мне священник сказал, — нервно ответил он. Монах этот, назвавшийся братом Осриком, пришел, по его словам, из монастыря в Хвите. Я об этом месте никогда не слышал, но святоша божился, будто оно находится в нескольких часах пешего пути к югу от Сестера. По словам брата Осрика, к ним в обитель пришел священник. — Он умирал! От колик в животе.

— И звали его отец Свитред?

— Да, господин.

Я знал старину Свитреда. Ярый и вредный поп, не питавший ко мне симпатии.

— И гарнизон послал его за помощью?

— Да, господин.

— Почему сестерцы не отправили воина?

— Священник может пройти там, куда воину путь заказан, — пояснил брат Осрик. — Отец Свитред говорил, что вышел из города с наступлением ночи и миновал осадный лагерь, никем не окликнутый. А потом направился на юг, в Хвит.

— Где заболел?

— Господин, когда я покидал обитель, он был при смерти. — Брат Осрик осенил себя крестом. — Такова Божья воля.

— Странная воля у твоего Бога, — процедил я.

— Отец Свитред умолял аббата послать одного из нас к тебе, — продолжил брат Осрик. — Выбор пал на меня, — робко закончил он.

Он опустился передо мной на колени в позе просителя, и моим глазам предстал алый шрам, пересекающий его тонзуру.